

А. Н. Андреев

УДК 82.0

Кафедра теории литературы, филологический факультет,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь**ЛЮБОВЬ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИСТИНЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ**

В контексте отношений «натура – культура» (психика – сознание) отношения женщины и мужчины рассматриваются как реализация природных отношений через духовно-информационные: приспособительное (женское) начало тянется к познавательному (мужскому). В этой связи отношения мужчины и женщины рассматриваются как способ существования истины в художественном произведении. Отмечено, что в «Евгении Онегине» любовь как тип универсальных отношений, возможно, впервые в литературе включена в перечень высших культурных ценностей.

Ключевые слова: любовь, литература, антропологическое литературоведение, информация, культурные ценности, психика, сознание.

Образец цитирования: Андреев А. Н. Любовь как способ существования истины в литературе // София. 2017. № 1. С. 119–124.

A. AndreyeuDepartment of Theory of Literature, Philological Faculty,
Belarusian State University, Minsk, Belarus**LOVE AS THE WAY OF TRUTH EXISTENCE
IN LITERATURE**

Relationship between man and woman within the «nature – culture» (psyche – consciousness) relationship are regarded as the realization of nature principles through noetic-informational principles, i.e. adaptive (female) principles reaching for cognitive (male). In this context, the relationship between men and women are regarded as a way of existence of truth in fiction. The author emphasizes the novel *Evgeniy Onegin* as perhaps the first evidence of presenting love as a type of universal relationship included in the list of key highest cultural values.

Keywords: love, literature, anthropological literary studies, information, cultural values, psychics, conscience.

For citation: Andreyeu, A. (2017). Love as the way of truth existence in literature. *Sophia*, 1, 119–124 (in Russ.).

А в т о р:

Анатолий Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета БГУ.

anandreev58@mail.ru

A u t h o r:

Anatol Andreyeu – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory of Literature of the Philological Faculty, BSU.

Любовь как способ выявить потенциал литературных героев, которые часто являются номинантами в герои культурные, – тема не новая и уж тем более не инновационная. Мужчина всегда тянулся к женщине и наоборот, поскольку человечество размножается полами, поэтому истории «про это», про отношения мужчин

и женщин, всегда интересны. При этом истории про одно и тоже всегда смотрятся свежо и ужасно разнообразно. Очевидно, по этой причине истории межполовых отношений приобрели статус *вечной темы*.

Точнее было бы сказать – *вечно актуальной* темы. Однако актуальность темы и глубина темы – это разные аспекты постигаемого объекта. В своей статье мы постараемся объяснить, почему глубина и неисчерпаемость темы оборачивается ее поверхностным освещением в литературе – это с одной стороны. С другой стороны, если любовные отношения вплетаются в контекст нравственно-философских «исканий» героев, как принято было говорить в советском литературоведении, то они непременно становятся важнейшей составляющей «ответов». *Любовь непременно входит в состав истины* – а это уже наводит на размышления. Туманная метафора «входит в состав истины» в переводе на литературоведческий язык звучит примерно следующим образом: любовные отношения как составляющая отношений «личность – универсум» становятся структурой персонажа, следовательно, структурой сюжета, и даже структурой фразы.

Таким образом, любовь можно трактовать как вполне приземленную, весьма игривую эмоцию, и в этом своем качестве она легко растаскивается на миллионы более или менее пикантных историй; однако *любовь как тип отношений*, не утрачивая своей игривости, может стать вызовом и направлением мировоззренческого поиска одновременно.

Вся литература – про любовь. Только про разную. Скажи мне, к какой любви ты тянешься, и я скажу, какую литературу ты предпочитаешь. Или так: скажи мне, какую литературу ты читаешь, и я скажу, как ты относишься к любви. К себе. К миру, в котором ты живешь. Любовь в литературе – больше, чем любовь; она является *маркировкой самого главного в герое* – либо его мировоззрения, либо отсутствия оно.

Таким образом, отношения мужчины и женщины всегда можно рассматривать в разных планах: бытовом, психологическом, нравственно-философском, гносеологическом. При этом каждый судит в меру своей «культурной искушенности». Кто-то видит конфигурации «инь и ян», а для кого-то отношения исчерпываются формулой «Женя + Таня».

В связи со всем сказанным выше обозначим три тезиса – три своеобразных кита, на которых покоится концепция любви в литературе.

1. В контексте отношений «натура – культура» (психика – сознание, человек – личность) отношения *женщины и мужчины* можно рассматривать как реализацию природных отношений через духовно-информационные: приспособительное (женское) начало тянется к познавательному (мужскому). Мужчина и женщина интересны друг другу «взаимной разнотой»; при этом в качестве субъекта познания выступает мужчина (что позволяет говорить о *коэффициенте «субъектности»*, т. е. познавательной эффективности) – это и является гарантией *гармонии взаимоотношений сознательной и бессознательной сфер*. Этот вектор информационного прогресса называется *персоноцентризм*.

Коэффициент «субъектности», показатель присутствия личностного начала в человеке, становится показателем познавательной активности сознания.

В этом же контексте целостность является модусом гармонии, информационного оптимума, в котором коэффициент субъектности становится показателем «*истины*»; «*добро*» здесь выполняет функцию вектора «от приспособления к познанию» (а не наоборот: от познания к приспособлению – это, если угодно, зло); что касается

красоты, то гармония как возможность существования смысла (понятий) в бессмысленном (чувственно воспринимаемом, образном) континууме обнаруживает свое эстетическое измерение, т. е. уникальную гносеологическую потенцию.

Таким образом, «истина – добро – красота» становятся факторами и показателями *художественности*. Причем решающим фактором и показателем является истина – фактор внехудожественный, что, казалось бы, лишает искусство его специфики. На самом деле по закону целостности, воплощающем «абстрактный» закон единства и борьбы противоположностей, присутствие «инородной» истины в «теле художественности» усиливает специфику искусства единственным возможным способом: коэффициент субъектности, угрожая самой природе искусства, максимально выявляет возможности этой самой природы. Здесь все решает чувство меры, чувство смысла, чувство гармонии.

Ясно, что коэффициент субъектности, будучи абстрактной величиной, всегда связан с конкретным проявлением мужского и женского начала в произведении. Обратим внимание на гносеологический аспект проблемы: *мужчина и женщина* – это не просто герои и героини произведений, не просто обязательные персонажи, о похождениях которых интересно читать читателям, все тем же мужчинам и женщинам, а *способы воплощения универсальных отношений*.

Скажем больше. *Отношения мужчины и женщины – это способ существования истины в художественном произведении*.

Вот почему отношения эти не могут быть делом вкуса: это дело закона. И не все писатели, художники слова, одинаково чутки к закону художественности, суть которого таится в отношениях «истина – добро – красота». Все пишут об одном и том же, а вот результат получается изумительно разный.

2. Сегодня, в эпоху цивилизации, преобладает «женская» литература с крайне низким коэффициентом субъектности, литература, характеризующаяся тотальным доминированием бессознательного приспособления, которое выдается за познание. Вот почему большинство героев ведут себя как женщины, мужчин в литературе нет или почти нет. Точка отсчета всегда – женщина (в широком смысле – бессознательное начало в человеке). Мир вращается вокруг женщины, и никто не способствует этому так, как мужчины, у которых на данном этапе информационного развития человека мужское начало только усиливает женское. «Мораль» (смысловой остаток, ценностный ориентир) всегда вычисляется согласно женской логике; именно бессознательно выведенная «мораль» и становится формой существования истины.

Истина превращается в инструмент и категорию бессознательного.

В этом контексте «истина – добро – красота» меняют свое содержание на прямо противоположное, и коэффициент субъектности (разумности) превращается в коэффициент «объектности» (неразумности). Бессмысленно оперировать бессмысленной категорией, поэтому методологии гуманитарных наук просто не на что опереться.

Иными словами, в эпоху цивилизации литература и, конечно, литературоведение обслуживают *приспособительное отношение* к миру и к себе (в рамках *социоцентризма*, тяготеющего к *индивидуализму*).

Получается, скажи мне, какую функцию в жизни и литературе выполняет любовь, и я скажу, в какой степени культура является показателем цивилизации.

3. Поскольку иное – *познавательное* – отношение как тип управления информацией сегодня неактуально (по разным причинам, среди которых, правда, нет убедительных),

постольку нет спроса на «мужскую» литературу. Проще говоря, мужской (персоноцентрической) литературы – нет. Есть только отдельные образцы, например, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина; однако «мужской» литературы как культурного явления пока не существует.

Кстати, в «Евгении Онегине» любовь, возможно, впервые *включена в перечень высших культурных ценностей*. Любовь становится типом управления информацией. Она интерпретируется не просто как высокое, возвышающее человека переживание, но именно как обладающее смысловой ценностью «мыслечувство». «Объяснение в любви» (обратим внимание: для Онегина это не стертая метафора, а личностный акт – он не *признается* в любви, т. е. обнаруживает ранее тщательно скрываемые чувства, открывает тайну своего сердца, но оформляет свое признание как «печальной тайны объяснение») к Татьяне Евгений начинает с трактовки мировоззренческих категорий, так сказать, издали, про инь и ян (что для такого опытного ловеласа, как он, является детской ошибкой):

Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

И только потом следует более-менее привычное, как у всех: описание ощущений как доказательство любви. Собственно, признание.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенья глаз
Ловить влюбленными глазами.

И так далее.

Все дело в том, что любовь для Онегина – выход из мировоззренческого тупика, способ примирить два раздирающих Онегина начала: природу с ее императивом «просто жить» – и культуру с ее императивом «ответственно мыслить, вынося оценку возможностям природы».

Формула счастья в этом контексте (счастье неизмеримо выше и вольности (суррогата свободы), и покоя (суррогата несуетливой мудрости) – по шкале «от природы к культуре») – философская формула. Онегин не был ловеласом, когда объяснялся в любви.

Татьяна, что характерно, про инь и ян все пропустила (что Онегин, кстати, предвидел: «Предвижу все: вас оскорбит / Печальной тайны объяснение»), но сам факт того, что признание в любви началось с чего-то «мутного», с невразумительного сопоставления противоположностей, ее явно насторожил. Она расценила это как «затеи хитрости презренной» (Онегин) и вынесла свой вердикт:

Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

Объяснение, с точки зрения женщины, – маскировка мелкого чувства (тщеславия, например), а не обнажение чувства великого. В таких случаях говорят: объясняет – значит, оправдывается.

Объясняйтесь после этого в любви к женщине! Если уж рассчитывать на взаимность, следует признаваться в любви – т. е. признаваться в том, что вы с женщиной одного поля ягода, вы такой же, как она: сначала чувства – потом все остальное.

Онегин с его поведенческой и мировоззренческой стратегией помогает сформулировать сверхзадачу мужской литературы: не ставить мужчину в центр романа

(в центр жизни, соответственно), а определить его функцию в мироздании: ответственно мыслить.

Такой мужчина трактует счастье как свой *долг* перед мирозданием – следовательно, не мыслит своего существования без любви. Именно так: разумный человек стратегию счастья делает в жизни определяющей.

Вот почему письмо Онегина к Татьяне начинается раздумчиво:

Чего хочу? С какою целью
Открою душу вам свою?

Заканчивается письмо-объяснение в том же ключе:

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

Онегин объяснение в любви почитает своим долгом. Он мог бы уклониться от столь хлопотного и безнадежного дела: он же предвидел все.

Именно потому, что предвидел, он старательно расставил все точки над *i*, не доверяя судьбе. Их отношениям с Татьяной была задана высота, на которую равнялась потом вся русская, а я убежден, что и мировая, литература. Онегин объяснился в любви, но он не стал рабом любви, как, например, сомнительный по культурным меркам персонаж из «Гранатового браслета» А. И. Куприна. Вот Желтков – жалкий раб мелкого чувства, имя которому «великий страх обнаружить в себе пустоту вместо личности и при этом большое желание ввести в заблуждение свою избранницу».

Онегин же вопрос ставит «ребром»: любовь не является естественным (природным) правом человека; надо заслужить право на право любить, т. е. совершить культурный подвиг – познать себя. Татьяна с ним, к сожалению, категорически не согласна; впрочем, сие не означает, к счастью, что она не чувствует его правоты...

Татьяна если не знает цену Онегину, то чувствует ему цену. Поэтому признается ему в любви («Я вас люблю (к чему лукавить?)»), «забыв», что минуту назад пафосно заклемила своего героя как «раба мелкого чувства»: это не женская логика, это женская любовь. Истинная любовь. Парадоксальная любовь.

Вот почему Татьяна, с сомнением относясь к объяснениям, особенно в исполнении мужчины, сама начинает свою исповедь так: «Я должна Вам объясниться откровенно». Объяснение, что ни говори, – это роскошь человеческого общения, а признание (если за душой более ничего нет) – род слабости. Татьяна подражает Онегину, чувствуя, что он прав, и в то же время обвиняет его, не понимая, в чем именно он прав.

Это не карикатура, как могло бы показаться, а нечто прямо противоположное – заявка на *гармонию взаимоотношений* сознательного и бессознательного начал в жизни человека. Вот это – вечная тема.

Подобные отношения, эталонные, с точки зрения раскрытия мужской и женской природы, понятно, далеко не всем под силу. Но для остальных всегда найдется суррогат – чувство помельче. На кого равняться – на Онегина или Желткова – каждый решает, опять же, сознательно или бессознательно.

В литературе женской воздействие любви на жизнь человека рассматривается в диапазоне от «кнута» до «пряника» (не путать с переплетением взаимодополняющих противоположностей инь и ян), в диапазоне крайностей; однако крайности банально сходятся, и любовь низводится до краски жизни, до самой яркой эмоции, которая слабо

вживлена в вещество жизни. Любовь превращается в довесок, привесок, в специю, утрачивая статус основного блюда. Самая богатая на эмоции и самая запутанная история на свете – когда любовь становится «пряниконкутом». И жарко, и холодно; и хочется и колется...

Злоключения превращаются в приключения (можно наоборот), а потом – под венец или в омут. С литературной точки зрения – одинаково сильный (потому что одинаково банальный) финал.

И это правда о *чувстве любви* – но это лишь часть правды, причем, надводная ее часть.

Главная часть правды, подозрительно принимающая очертания истины, скрыта от тех, кто наивно убежден, что «зорко только сердце», что чувства важнее разума. Увы, функции зорких глаз, беспристрастных очей в этом лучшем из миров отданы разуму. *Зорок только разум.*

Отсюда следует: без участия разума нет феномена любви.

Так или иначе, женская литература настаивает: жизнь отдельно – любовь отдельно, счастье отдельно – любовь отдельно, вольность и покой отдельно – любовь отдельно.

А все потому, что любовь для носителей идеологии приспособления из явления психологического порядка так и не стала явлением личностным, мировоззренческим, нравственно-философским, культурным. Любовь в женской литературе становится частью бытовой истории, но не частью духовной истории, не частью истории становления личности.

Что же получается: жизнь и любовь не являются звеньями одной неразрывной цепи?

Жизнь, к сожалению (и к счастью, конечно), возможна без участия любви. Тогда в дело вступает закон «побольше специй», чтобы жизнь не казалась такой пресной.

Любовь является свойством высокоорганизованной жизни, признаком высочайшего информационного развития человечества. Любовь в интересующем нас аспекте – свидетельство высокой степени духовного развития человека. В связи с этим – любовь в принципе становится *одним из высших проявлений духовных возможностей человека*. Проявлением истинного начала человека. Проявлением истины.

Да, вполне возможно прожить жизнь и при этом обойтись без реализации своего духовного потенциала. С этим трудно спорить, и не стоит всех подводить под «высшую меру».

Речь о другом – о том, что невозможно выжить без духовного ориентира, без представления о том, на что способен человек разумный.

Высокая литература ориентируется на высшие культурные ценности – женская литература тянется к мужской.